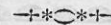

БИБЛІОГРАФІЯ.

В. К. Надлеръ.—Меттернихъ и европейская реакція.
Харьковъ, 1882 г.

Книга г. Надлера является, безъ сомнѣнія, довольно цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу. Общедоступныхъ сочиненій, какъ по русской, такъ и по иностранной исторіи у насъ вообще мало, по исторіи же девятнадцатаго вѣка почти нѣтъ ничего, кромѣ не вполне переведеннаго Гервинуса (Исторія XIX вѣка), да кое-какихъ статей и компилцій, разбросанныхъ по журналамъ. Книга г. Надлера, написанная хорошимъ языкомъ, читается легко и представляетъ общій интересъ, касаясь одной изъ самыхъ любопытныхъ эпохъ въ европейской исторіи—эпохи, столь еще мало отъ насъ отдаленной,—когда призракъ и фантомы встали на мѣсто всколебленной до глубины жизни, когда все перемѣшалось въ общемъ хаосѣ мыслей и чувствъ, когда тупое непониманіе, съ одной стороны и ловко веденная игра, съ другой, заварили ту кашу, которую и въ Европѣ и у насъ расхлебываютъ еще и теперь.

Когда западно-европейскій мѣръ, усталый и разбитый сверхчеловѣческими напряженіями во времена наполеоновскихъ войнъ и войнъ за освобожденіе, впалъ въ тяжелую апатію, оставшись на развалинахъ исполненныхъ иллюзій великой революціи и затѣмъ неслыханнаго подъема народнаго духа, послужившаго отвѣтомъ на лозунгъ всемірной монархіи, съ которымъ Наполеонъ шелъ завоевывать мѣръ; когда въ массахъ на первый планъ выдвинулось одно желаніе—желаніе спокойствія, во что бы то ни стало—тогда вдругъ всплыли на поверхность разные доктринеры и теоретики, пожелавшіе подъ шумокъ, во первыхъ, обдѣлать свои дѣлишки, а во вторыхъ, хоть немножко, хоть на минуту поиграть „судьбами міра“. И вотъ эти-то маленькіе великіе люди съ такими же какъ сами маленькими теоріями и доктринами вздумали „дѣлать исторію“—и „пре-скверно дѣлать“, какъ замѣтилъ бы, вѣроятно, титулярный совѣтникъ Попрыгунъ. Собственно для этой благой цѣли, т. е. для успѣшнаго „дѣланія исторіи“, была и выдумана та невозможная и безобразная химера, съ человѣчьей головой и

съ звѣринымъ туловищемъ, которую принято называть „священнымъ союзомъ“. Это-то „союзъ“, кощунствуя съ наивностью дѣтскаго непониманія, во имя христіанскихъ идей братства и любви, дошелъ, наконецъ, отъ поддержанія и одобренія звѣрствъ Фердинанда VII испанскаго до признанія бунтомъ греческаго возстанія, поднятаго именно и главнымъ образомъ, во имя поруганной вѣры, да еще христіанами противъ иновѣрцевъ. Но священный союзъ, совершенно сбитый съ толку шумушаньемъ маленькихъ великихъ людей, „готовыхъ пережить самого Господа Бога“, по выраженію Гамлета, разъ навсегда смѣшавши Бога съ начальствомъ, такъ при томъ и остался. Авторъ разбираемой нами книги именно и возражаетъ противъ этихъ маленькихъ великихъ людей, „готовыхъ пережить самого Господа Бога“, къ какому бы они лагерю не принадлежали, какимъ бы цвѣтомъ не были окрашены. Историческое возрѣваніе онъ ставитъ выше всего, исторію считаетъ лучшей учительницей. Вотъ почему въ своемъ „предисловіи“ онъ горячо возражаетъ и противъ нашихъ доморощенныхъ доктринеровъ, желающихъ дѣйствовать, наплевавши на исторію. „Если мы такъ обходимся съ исторіей, говорить г. Надлеръ въ предисловіи къ своей книгѣ, что же мудренаго, что мы ожидаемъ спасенія отъ новыхъ измышленийъ собственныхъ и привозныхъ. Табель о рангахъ утратила для насъ свое обаяніе. Мы алчемъ и жаждемъ конституцій,—исписанный листъ бумаги долженъ излѣчить всѣ наши недуги. Все пойдетъ превосходно, стоитъ лишь провозгласить и проаргументировать основныя права человѣка, принципъ раздѣленія властей, стоитъ лишь перенести на русскую почву аппаратъ западнаго конституціонализма“.

„Свобода необходима для каждаго народа, говоритъ далѣе авторъ—но свобода дѣйствительная, а не бумажно-конституціонная. Необходимо, чтобы свободныя учрежденія создавались самою историческою жизнью народа, чтобы они выросли на народной почвѣ, какъ выросли они въ Англіи. Что же препятствуетъ этому росту, какія роковыя силы увлекаютъ государство и націю на ложный путь теоретическихъ экспериментовъ и заимствованій вчуже? Наша книга, или, лучше ска-

зать, факты, изложенные въ ней, прольютъ, быть можетъ, немного свѣта на этотъ капитальный вопросъ. Первоначальными виновниками революцій, потрясавшихъ Европу, были вовсе не либералы-теоретики. Народъ бы никогда не увлекся ими и ихъ ученіями, если бы правительства, призванные охранять общества, поняли бы хотя сколько-нибудь вѣрно свою задачу. Охранять—не значитъ задерживать естественное развитіе, или даже идти назадъ, а руководить движеніемъ, регулировать его“.

Нельзя не согласиться вообще съ высказанными авторомъ мыслями, и въ частности, съ мыслью о томъ, что во всякихъ потрясеніяхъ, выбивающихъ народъ изъ колеи, главнымъ образомъ виноваты тѣ, кто понимаетъ роль „охранителя“ не въ смыслѣ руководителя движенія, а въ смыслѣ гасильника всего, что не подходитъ подъ разъ навсегда взятую шаблонную мѣрку, способную омертвить самые высокіе принципы и понятія. Дѣло въ томъ, что суть всякой реакціи заключается въ томъ, что правительство, должностное имѣть въ виду только и единственно благо страны и народа, обращается въ партію, и роковымъ образомъ, дѣйствуя какъ партія, преслѣдуетъ уже партійные интересы, отодвигая на задній планъ существенные интересы государства и народа. Въ своей книгѣ г. Надлеръ и старается показать, какъ въ продолженіи европейской реакціи, руководимой Меттернихомъ, большая часть европейскихъ правительствъ, ставши въ положеніе борющейся партіи и преслѣдуя мелочныя цѣли наружнаго спокойствія и порядка, дождались до взрыва общественнаго негодованія по поводу греческаго вопроса, а затѣмъ и до печальныхъ событийъ конца сороковыхъ годовъ, послужившихъ роковымъ отвѣтомъ на политику мертвеннаго застоя, созданную священнымъ союзомъ, съ Меттернихомъ во главѣ.

Все это, въ своей книгѣ, г. Надлеръ иллюстрируетъ массою живо рассказанныхъ фактовъ. Особенно интересны тѣ мѣста книги, гдѣ авторъ пользовался недавно изданною перепиской Меттерниха; нѣкоторыя письма этого маленькаго великаго человѣка, приведенныя въ разбираемой книгѣ, рисуютъ его гораздо живѣе и лучше, нежели могли бы обрисовать цѣлыя главы ученой

монографіи. Къ сожалѣнію небольшіе размѣры газетной рецензіи не позволяютъ намъ привести ни этихъ писемъ, ни многихъ интересныхъ мѣстъ изъ книги г. Надлера, особливо объ отношеніяхъ Меттерниха къ Александру I-му, а такъ же и объ той путаницѣ, которую надѣлалъ въ Европѣ такъ не кстаги возникшій греческій вопросъ. Пусть самъ читатель, пробѣгая книгу, обратитъ вниманіе на эти мѣста. Мы же, чтобы кончить, отмѣтимъ лишь, что въ книгѣ г. Надлера не совсѣмъ ясно отмѣчено значеніе и роль Меттерниха въ европейской реакціи. Авторъ не хочетъ признать въ Меттернихѣ ничего, кромѣ большой юркости и ловкости, при самыхъ слабыхъ умственныхъ способностяхъ и крайнемъ легкомысліи. Но если такъ, то довольно странно выходить, что такой человѣкъ болѣе четверти вѣка водилъ за носъ чуть не всю Европу. Это одно. Другой же вопросъ, о томъ, что именно заставило Меттерниха стать во главѣ европейской реакціи, опять таки лишь едва тронуть авторомъ. Между тѣмъ и объ томъ и объ другомъ высказано было мнѣніе однимъ изъ выдающихся блестящихъ русскихъ писателей, мнѣніе, съ которымъ слѣдовало бы посчитаться. Вотъ что говоритъ объ этомъ Н. Я. Данилевскій въ своемъ превосходномъ сочиненіи „Россія и Европа“, исходя изъ того совершенно вѣрнаго положенія, что пробужденіе національнаго чувства въ народахъ, составлявшихъ тотъ „географическій терминъ“, который называется Австріей—было бы смертию для имперіи Габсбурговъ: „Князь Меттернихъ съумѣлъ на тридцать слишкомъ лѣтъ замедлить разрушеніе обветшалаго зданія. Охранительный характеръ его дѣятельности находился въ совершенной противоположности съ характеромъ дѣятельности императора Іосифа. Іосифъ, своими либеральными реформами, вносилъ духъ жизни туда, гдѣ ему нѣтъ мѣста. Меттерниху удается на время заморить или, по крайней мѣрѣ, усыпить крѣпкою летаргіею эту неосторожно пробужденную жизнь. Онъ вполне понималъ, что Австріи предстоятъ только двѣ альтернативы: или спать непробуднымъ сномъ, или распастись и стигнуть съ лица земли. И вотъ, задавивши все внутри, онъ все же понималъ, что наружный свѣтъ могъ слѣ-

латься столь яркимъ, наружный шумъ столь громкимъ, что разбудилъ бы спящаго. Прежде всего надо было озаботиться объ тишинѣ въ тѣхъ трехъ пространствахъ, куда непосредственно открывались двери изъ Австріи: въ Германію, въ Италію и въ турецкія владѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, всякое движеніе въ Германіи не могло не проникнуть и въ нѣмецкія провинціи Австріи; всякое движеніе въ Италіи пробуждало Ломбардію и Венецію; наконецъ, всякое движеніе на Балканскомъ полуостровѣ могло распространиться на славянскіе народы въ Турціи, а черезъ нихъ и на единоплеменниковъ ихъ въ Австріи. И со всѣхъ трехъ сторонъ движеніе дѣйствительно начиналось. Его надо было подавить во что бы то ни стало, да еще какъ подавить:—безъ борьбы, ибо борьба есть пробудительное средство. Надо было все сдѣлать одними снотворными манипуляціями, напущеніемъ тумана или марева“ („Россія и Европа“ стр. 358—59).

Такимъ образомъ объясняетъ г. Данилевскій роль Меттерниха въ европейской реакціи: именно *австрійскій* государственный человѣкъ, Меттернихъ ли, кто другой ли, роковымъ образомъ долженъ былъ овладѣть реакціей, державъ въ своихъ рукахъ всѣ нити ея. Для Австріи здѣсь былъ вопросъ жизни и смерти, и вотъ почему—какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ и г. Надлеръ—Меттернихъ былъ разбитъ гораздо раньше, такъ сказать, формальнаго пораженія въ 48 году,—былъ разбитъ уже со вступленіемъ на русскій престолъ Николая I-го, давшаго греческому движенію совсѣмъ другой оборотъ, ясно понявшему смыслъ и значеніе той паутины, которую Меттернихъ раскинулъ надъ Европой подъ именемъ священнаго союза. Меттернихъ боялся шуму изъ за чего бы онъ ни происходилъ, шуму какъ шуму, и вотъ почему онъ старался всѣхъ увѣрить, что всякій шумъ революціоненъ. Но въ греческомъ движеніи до того сдѣлалось ясно для всѣхъ, что это шумъ не революціонный, но все же пугающій ловкаго канцлера, что уже ловка сдѣлалась стара и негодна—надо было выдумывать другую... Этимъ указаніемъ на мнѣніе г. Данилевскаго мы и закончимъ разборъ книжки г. Надлера.